

О нем можно написать книгу. По его рассказам еще несколько. Рассказчик он отменный. Беседа с ним, я даже не заметил, что в комнате, где мы находились, не включен свет, хотя за окном уже наступили сумерки. Разбирая дома записи, с грустью подумал: «Разве можно уместить все то, о чем мы говорили, на нескольких журнальных полосах?». Но... стоп, места и так мало, представим слово самому Георгию Михайловичу ГРЕЧКО – Герою Советского Союза, летчику-космонавту, доктору физико-математических наук

Георгий ГРЕЧКО:

« В ЖИЗНИ НА МЕНЯ ИНОГДА СМОТРЕЛИ, КАК НА СУМАСШЕДШЕГО... »

«Родился я в Ленинграде, куда мой отец приехал с Украины, а мама из Белоруссии. Однажды я пошел в ЗАГС и посмотрел запись о моем рождении. Там было написано, что отец – студент рабфака, мать – студентка института. Поскольку они являлись студентами, то пошлину за запись в Книге актов гражданского состояния с них не взяли, и даже выдали на мое рождение пособие в размере 25 рублей. А надо сказать, что когда я родился, то моим родителям дали шикарную пятидесятиметровую комнату с потолками не ниже 4 м, да еще с лепниной. А они... угадайте с трех раз, что они сделали? Хорошо, не буду вас мучить. Они сказали, что им не нужна такая большая комната и за свой счет разделили ее пополам, отдав вторую часть следующему очереднику. Представляете?

В квартире было еще 11 комнат, где проживали 9 семей. Она была настолько длинной, что я, будучи маленьким, катался по ней вместе с соседскими детьми на велосипеде. Был там и «черный ход», который выходил во двор и имел двенадцать ступенек, а также не-

большую крышу на металлических трубах. И вот я занимался тем, что прыгал с верхней ступеньки, пролетал метра два с лишним, хватался за одну из труб, по инерции вокруг нее обкручивался и сползал вниз. Тогда, наверное, впервые и проявилась моя «ненормальность», потому что в будущем я все время лез туда, где была высота, глубина, скорость, взрывы, огонь, то есть с детства был особенным ребенком, на папу с мамой непохожим».

– Георгий Михайлович, Вы родились 25 мая, а говорят кто родился в этом месяце, всю жизнь будет маяться. Но глядя на Вас, этого не скажешь...

– Нет, так оно и есть. И не потому что меня кто-то маял, я сам себя маял: чего-то добивался, куда-то лез, но лез не в том смысле что на какие-то должности или за какие-то деньги, а лез именно под воду, в горы, в космос, летал на самолетах, прыгал с парашютом, участвовал в авто и мотоциклетных гонках.

С детства я увлекался научной фантастикой, читал о полетах на Марс, на Венеру, собирал книжки по ракетостроению. Циолковскому

никто не верил, когда он писал, что через сто лет человек полетит в космос. Но все произошло гораздо быстрее. Как говорил С.П. Королев: «Я люблю научную фантастику, но не в книгах, а в чертежах». Так вот свой первый шаг к научной фантастике, но уже в чертежах, я сделал еще учась в 9 классе, когда стал конкретно искать институт, где можно было выучиться на ракетостроителя. И тут я вспомнил, что год назад в трамвае видел объявление, где было сказано, что Ленинградский военно-механический институт среди прочих имеет и факультет реактивного вооружения. Поэтому, окончив 10 класс, я подал туда документы и поступил, сдав все экзамены на «отлично». На протяжении всей учебы в институте других оценок я и не получал, и когда наступило распределение, то я, как отличник, одним из первых получил право самостоятельно выбирать место своей будущей работы. К тому времени я уже знал, где делают самые большие ракеты, которые обязательно полетят в космос. И когда я сказал, что хочу в Подлипки к Королеву, на меня посмотрели как на сумасшедшего. В институте

были абсолютно уверены, что я выберу Ленинград: «У тебя же здесь комната», – говорили мне. Понимаете, по тем временам комната – как сейчас дворец. А чтобы человек, бросив комнату, добровольно уехал в Подлипки жить в общежитии, на протяжении многих лет практически не имея никаких шансов на получение жилья, такого иначе, как сумасшедшим, называть было нельзя. Но дело того стоило. Я переехал в Подлипки, устроился в общежитие, начал работать. А дальше пошло-поехало.

Я участвовал в запуске первого спутника, рассчитывал траекторию его полета, заправляя ракету на старте. Но мы, тогда молодые ребята, не совсем представляли всю важность того, чем занимаемся. И не только мы. Возьмите газеты той поры, и вы увидите, что, в частности, газета «Правда» дала, кажется на второй полосе, лишь пятистрочное сообщение о том, что в Советском Союзе осуществлен запуск первого искусственного спутника Земли. И только, когда все газеты мира откликнулись на это событие, отведя под него половину своей площади, то на следующий день и наши издания стали печатать репортажи на разворотах. Так что мы не сразу поняли масштабность того дела, которым занимались. Знаете, как говорят: «Отойдем и поглядим, хорошо ли мы сидим». Отойти мог Королев. А мы не могли, мы не понимали. Во всяком случае, когда мы уже спроектировали так называемое «изделие», на котором Гагарин полетел в космос, – сейчас это может показаться смешным, – то встал вопрос, что мы спроектировали? Самолет – не самолет, аэростат – не аэростат. Королев собрал совещание и говорит: «Как назвать вот «это»?». Я уж не помню, что мы там предлагали, но когда Сергей Павлович сказал «космический корабль», мы все дружно захохотали и стали говорить, что тогда давайте назовем «космическая лодка», «челнок» или «байдарка». Ну, какой же это корабль? Корабль – это во-о-о! У нас же получилось нечто более миниатюрное. А сейчас данное словосочетание стало уже для всех привычным.

Когда мы перешли на трехместные корабли, и в экипаж добавили бортинженера с ученым, то тем, кто хорошо себя показал на работе, предложили пройти медкомиссию. А поскольку желание полететь в космос у меня было с детства, я тоже туда пошел. Правда, я абсолютно был уверен, что не пройду ее, потому

что в военное время в основном приходилось питаться гнилой картошкой, что, безусловно, здоровью не способствовало. Но когда через полтора месяца обследований мне сказали, что я годен, я пережил приятное потрясение.

– Вы были зачислены в отряд космонавтов в 1966 году, а полетели в 75-м, наверное тяжело было провести эти девять лет в ожидании полета?

– Нет, вы не правы, это не тяжело, а очень тяжело. Первый отряд космонавтов был набран из военных летчиков-истребителей. Костяк второго составили представители космической ракетной промышленности: из двухсот кандидатов отобрали 13 человек, в их число попал и я. У меня на тот день было больше всех прыжков с парашютом, что, возможно, и стало причиной события, которое мне пришлось пережить. Совершая один из очередных прыжков я, как у нас говорят, «замастерился», все тянул на крест, чтоб приземлиться как можно точнее, и не успел как следует подготовиться. В результате сломал ногу, что автоматически поставило меня в очередь из тринадцати человек тринадцатым, хотя я слышал, что и Гагарин, и начальник центра подготовки космонавтов хотели меня запустить одним из первых. Я лежал со сломанной ногой прекрасно понимая, что не ногу сломал, а всю свою судьбу покалечил.

– А может быть Вы опоздали как раз на тот самолет, который должен был разбиться?

– Может быть. Ведь из наших ребят погибли Пацаев с Волковым. Да и у Королева был такой случай. Когда мать добилась его освобождения, он опоздал на корабль, уходивший из Магадана и, конечно, для него это было также страшно, как и для меня лежать со сломанной ногой. А тот корабль, на котором он должен был отплыть, действительно, потонул. Возможно и со мной произошло нечто подобное. Поначалу было страшно лежать в больнице, ведь меня практически списали. Даже потом, когда я уже попал на подготовку, меня в экипаж все равно не включали. Затем стали вводить в дублирующие экипажи, я раза четыре был дублером, а они сдают те же зачеты и экзамены, что и основной экипаж. Морально было безумно тяжело столько лет ждать своего полета. Но фактически, если теперь оглянуться назад, это было мое, как ни

странно, везение, потому что за эти девять лет ожидания, по степени своей подготовленности я стал настоящим космонавтом. И когда начались мои полеты, я отлетал их неплохо.

Мой первый полет был самым длительным в Советском Союзе. Второй – самым длительным в мире, после него я несколько месяцев был человеком, который больше всех жителей Земли провел в космосе. Третий полет я совершил, когда мне было уже почти 55 лет, в этом возрасте до меня в СССР никто в космос не летал.

– Скажите, тяжело ли такое длительное время находится в полете?

– И да, и нет. Не тяжело, потому что это любимая работа, осуществление твоей мечты, интереснейшие эксперименты. Тяжело из-за того, что надо и станцию было убирать, и туалет дра-

С женой Людмилой на Красном море

ить. Случалось и недопонимание с Центром управления полетом, принимавшее иногда резкие очертания. На мой взгляд, отношения космонавта и работников ЦУПа лучше всех выразил Владимир Джанибеков, когда на его обращение ему ответили, я не думаю, что грубо, а скорее всего равнодушно. Но дело в том, что в космосе есть какой-то мощный коэффициент усиления: то, на что на Земле ты не обратил бы внимания, там звучит как оскорбление и, наоборот, если тебе просто сказали «спасибо» – это воспринимается как награда. Поэтому, когда ему ответили равнодушно, без затей, а может быть даже грубовато, то Джанибеков сказал «Ну, что вы, ребята! Зачем вы так с нами? Мы же здесь летаем с оголенными нервами». Конечно, мы не ангелы. Я хотя и был в космосе три раза, но ангелов и там не встречал, а на Земле тем более. Во втором, самом длительном полете, мне

очень повезло с партнером – им оказался Юра Романенко. Это замечательный парень, на 13 лет моложе меня, но не по годам выдержанный, смелый, хорошо оттренированный, умелый, талантливый. У нас с ним была полная совместимость за все 96 суток полета, ни разу мы не поссорились, ни разу не повысили голос.

Для меня очень интересны были научные исследования, на них я и день, и ночь тратил, забывая и про сон, и про еду. Конечно, это было мальчишество и ЦУП в моих же интересах ругал меня за это. Зато, когда я прекратил уже летать, то смог полностью себя посвятить науке. Я еще в 1984 году защитил докторскую диссертацию по исследованию атмосферы земли из космоса. Я понял, что мы довольно тяжело, физически и эмоционально, добываем научные данные, а они потом не всегда ис-

– Насколько мне известно, наше правительство приняло решение послать туда 28-ю экспедицию.

– Решение, может быть, и правительства, но я знаю, что деньги дают иностранцы, а выполняет работу наша фирма, которая когда-то, еще при Королеве, называлась ОКБ-1, а сейчас НПО «Энергия». Нам от правительства нужно было понимание и деньги. Ни того, ни другого мы от него не имеем. Просто...нет, не хочу говорить о политике. Я ленинградец, человек достаточно культурный, но о политике так и тянет говорить нецензурными словами, потому что то, что делают со страной и с космонавтикой, в частности, – а я все-таки ученый, – это никакому разуму не под силу.

– Не будем о грустном, лучше расскажите о том, как космонавты проносили на

На соревнованиях по автоспорту

Вместе с космонавтом В. Джанибековым

пользуются, то есть для себя любому ученому накрапать диссертацию ничего не стоит, а вот серьезных и систематических исследований проводится чересчур мало. Мне стало ясно, что центр важности как бы перешел с добычи данных на их обработку. Я пришел в Институт физики атмосферы РАН, где мне дали комнатку, стол, стул и несколько молодых ребят, и мне удалось вывести нашу лабораторию на очень приличный уровень, в том числе на международный.

– А что Вы думаете по поводу судьбы станции «Мир», на которой были проведены тысячи экспериментов?

– Потерять такую станцию – это трагедия для нашей страны. Глупо, наверное, мерить в тоннах, но там, действительно, 11 тонн самой лучшей аппаратуры, сделанной во многих странах мира.

борт то, что, скажем так, им было пронести не совсем положено.

– Уже от тех, кто летал до нас было ясно, что в космосе неплохо иметь коньяк. В полете рыхлеют десны, и если чистить зубы порошком и жесткой щеткой, то во рту прямо огонь горит, а содержащиеся в коньяке дубильные вещества наоборот десны успокаивают. При простуде также хорошо было глоток сделать, чтобы согреть горло. В космосе иногда трудно заснуть, были космонавты, которые не спали сутками, а после коньяка засыпаешь быстрее. Так вот самый классический пример. Мы сделали фляжку по форме бортового журнала, приклеили с обеих сторон обложки, заклеили торцы бумагой, а на ней начертили такие полосочки, как будто это листочки, и положили в пакет с документацией. А пакет этот проходит ультрафиолетовое облучение и заклеивается. Передали

фляжку космонавту, а сами сидим и смотрим, что будет дальше. И вдруг видим как один из офицеров побежал за космонавтом, догнал его. Ну, думаем, все, обнаружили нашу контрабанду. А они вдруг оба засмеялись и разошлись в разные стороны. Потом мы спросили космонавта, что ему этот офицер сказал. Космонавт ответил: « Он сказал, что в следующий раз свою бортдокументацию наливайте под самую пробку, а то она булькает».

– А как Вас, извините, угораздило сняться в кино, да еще с таким названием «Не послать ли нам гонца?»

– Знаете, это не первый фильм, в котором я снимался. Началось с того, что нас, космонавтов, часто приглашали консультантами на фильмы, посвященные космической тематике или же, где были отдельные эпизоды, связанные с космосом. Впервые я снялся в эпизодической роли на киностудии им. Довженко в научно-фантастическом фильме «Под созвездием Близнецов». Кстати, я и сам родился под этим созвездием. Фильм начинался с возвращения из дальнего полета международного космического экипажа: вот подходит корабль, из моря достают капсулу и убеждают в том, что все находящиеся там люди мертвы. Я играл одного из членов госкомиссии, которая встречала этот корабль, и говорят, что сыграл лучше всех, потому что моя реакция на мертвых космонавтов была самая правдоподобная. Тем более, что артистов, игравших космонавтов, на самом деле чуть не уморили. Заказали для съемок скафандры, а вот вентилирующие устройства к ним заказать забыли. А находится в резиновом скафандре на палубе корабля под палящим солнцем действительно было небезопасно для жизни.

А в упомянутом вами фильме меня пригласили сыграть роль космонавта. Кино же – это совершенно другая область, это искусство, и мне было интересно встретиться и поговорить с авторами, режиссерами, артистами. Прекрасные люди. Когда после съемок сидишь и разговариваешь с ними, то открываешь для себя столько нового. Миша Евдокимов – колоритный человек, со своим жизненным опытом, а Лев Дуров – это вообще артист от Бога. Кстати, если вы помните, по фильму я на машине «Волга» врезаюсь в «Запорожец». Так вот могу вам, как бывший автогонщик, не без гордости сообщить, что всю эту работу я сделал сам, без помощи каскадеров.

Анатолий МАЛЮГИН